

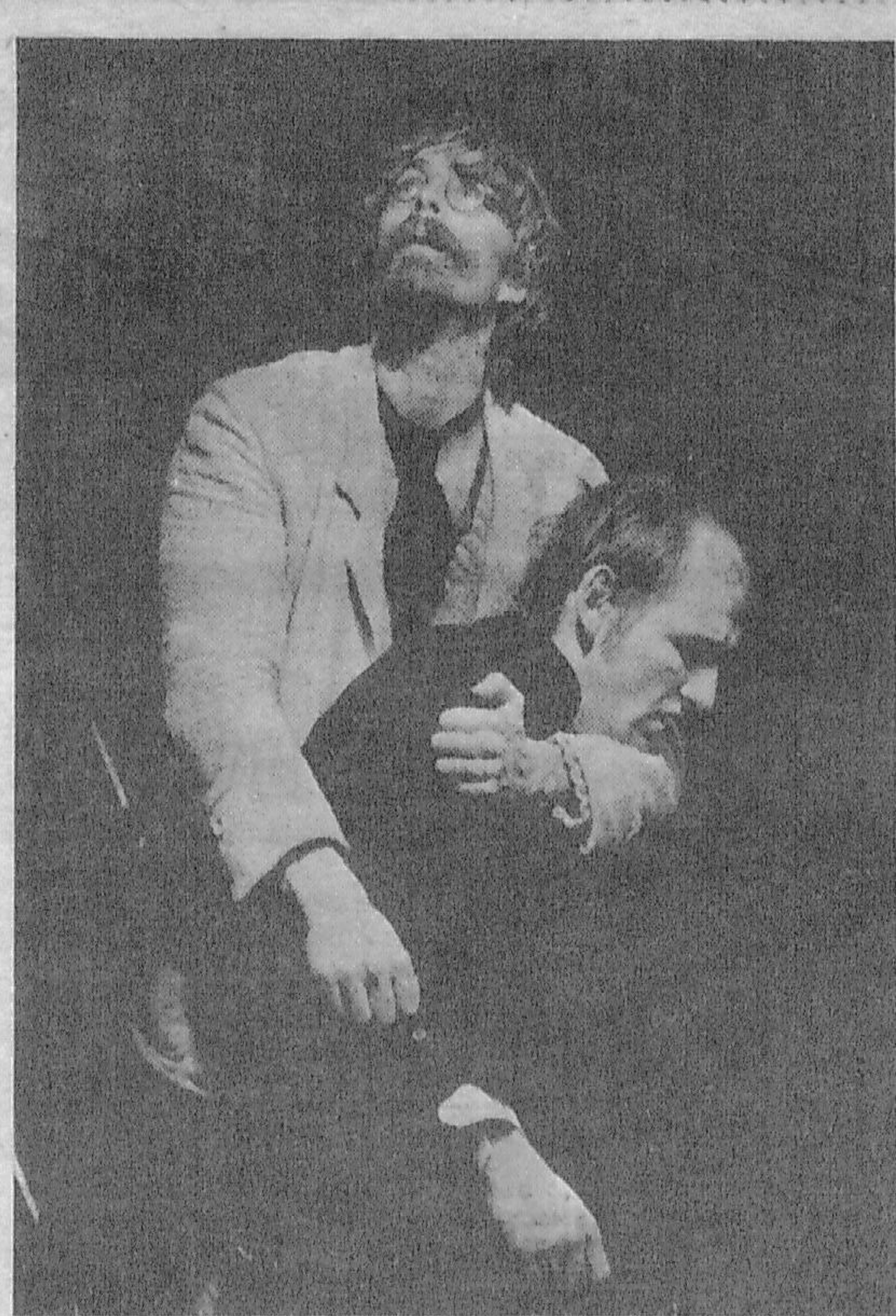
ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Экран и сцена - 1991 - 15 авг. (№33) - с. 5

ГАСТРОЛИ

По приглашению Международного театрального центра имени М. Н. Ермоловой камерный театр «Три-бюне» из Штуттгарта показал в Москве «Эмигрантов» С. Мрожека и «Вечер чеховских водевилей». Спектакли поставлены двумя венгерскими режиссерами: первый — Габором Секеем, второй — Габором Жамбеки. Они давние друзья и соратники, учились вместе в институте, потом, в 1971-м, заявили о себе в провинции как лидеры нового поколения венгерской режиссуры. В конце семидесятых возглавили Национальный театр в Будапеште, через несколько лет, в 1982-м, с группой актеров из этого коллектива основали свой собственный.

РАБ, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ ВЫДАВЛИВАТЬ ИЗ СЕБЯ НИ КАПЛИ

Этот театр, носящий имя Йожефа Катоны, быстро завоевал признание, став членом-основателем парижского Театра Европы. Два года назад коллектив приехал и к нам. В гастрольной афише тогда были «Ревизор», поставленный Г. Жамбеки, и «Мизантроп» в режиссуре Г. Секея. И вот теперь москвичи имели возможность познакомиться с новыми спектаклями этих режиссеров, «в свободное от основной работы время» активно сотрудничающих со штуттгартским «Три-бюне».

Для начала театр показал нам наше родное — чеховские водевили. Интерес Габора Жамбеки к русской драматургии и особенно к Чехову довольно стабилен. Его «Чайка» (1971), «Иванов» (1978) и «Леший» (1982) были чуть ли не манифестами для театров, где они были поставлены. Новый же штуттгартский спектакль не претендует на открытия: мы увидели изящные экзерсисы, разыгранные легко и остроумно.

Мирно стоящие на сцене стулья будут неожиданно-негаданно ломаться один за другим под тяжелой рукой беспокойного гостя вдовы Поповой, превращаясь для него в символ коварной женской ненадежности («Медведь»). Смущенный скандалист будет смешно стараться скрыть свое преступление: расправив чехол на сломанной спинке, запрячет «провинившийся» стул в угол или запихнет под стол.

Свернутый и покоящийся на столе ковер станет футляром, куда растерянный визитер доверчиво сунет свою трость, а на трость повесит шляпу, потом злосчастный ковер, так и не будучи нормально расстелен, начнет все время попадаться ему, невезучему, под ноги («Предложение»).

Жамбеки — мастер точных и остроумных деталей. Не раз вспоминался «Ревизор», где картина крайнего убожества жизни складывалась из тысячи убийственно смешных и знакомых до слез мелочей.

В чеховских водевилях все проще и спокойнее. Здесь нет места сатире, но остался принцип: тайные парадоксы психологии должны получить лаконичное, но красноречивое наглядное воплощение. Остался «железный закон»: на сцене все должно быть функционально, все до последнего гвоздя должно включиться в игру. И Жамбеки делает это виртуозно, хотя простые и изящные декорации Чёрса Кхелля, казалось бы, под-

черкнуто «неигровые». Они на этот раз выполнены в стиле некоего «усадебного классицизма»: праздничная строгость и легкость форм в сочетании с едва заметной обветшалостью.

Особо ценны те мгновения, когда в насмешке находится место и для лирики — пусть оттененной то безалаберной несерьезностью, а то и весьма безнадежной иронией. Эта лирическая нота начинала звучать особенно отчетливо, когда на сцене был Штефан Корвес (Смирнов в «Медведе», Ревунов-Караулов в «Свадьбе»). Его «медведь» в какую-то минуту вдруг прекращал свою бурную скандалистскую деятельность и, в задумчивости облокотившись на комод — да так, что становилось страшно за последний уцелевший предмет обстановки, — мечтательно восклицал: «Какая женщина!». А его «свадебный генерал» Ревунов-Караулов превращался в некоего сказочного мореплавателя: этот задрипанный последний романтик щедро делился с окружающими своим миром — миром легендарных воспоминаний и фантастических грез. Худой старик с безумно горящими глазами начинал походить на Дон Кихота, и так же, как и Рыцарь Печального Образа, он был отвергнут и изгнан из мира скучной обыденности.

Штефан Корвес сыграл и во втором спектакле гастролей — в «Эмигрантах» С. Мрожека. Лирика да и просто личное обаяние были тут почти исключены из игры: образ был снижен беспощадно. И все же Рабочий Ш. Корвеса «переигрывал» Интеллигента в их драматическом поединке — «переигрывал», как это ни странно, в плане философском, смею сказать, экзистенциальном.

Но сначала — о самом спектакле, поставленном Г. Секеем. Если Г. Жамбеки стремится к театру более, если можно так выразиться, земному, то Секей уповает на театр открыто интеллектуальный. Но это вовсе не значит, что он выстраивает на сцене нечто абстрактное, лишенное намека на жизненность. Все детали эмигрантского пристанища воссозданы (художник Ч. Кхелль) с тщательной достоверностью. Но когда с плаката, что висит над кроватью Интеллигента, на вас направлен трагический взгляд Станислава Игнаци Виткевича — это уже не бытовая деталь.

Нет сомнения, что мрожековский герой считает себя последователем именно этого человека, который в свое время проницательно предсказал многие социальные процессы XX века. Он предупреждал о наступлении серой массы механизированных и автоматизированных

людей, он в изумлении застыл перед Гиперрабочим с его несокрушимой и, увы, бесспорной для Виткевича исторической правотой.

У Интеллигента в исполнении Б. Зидхоффа тоже есть моменты такого изумления, когда ему, творцу теории «идеального раба», вдруг неожиданно открывается некое новое подтверждение, некий новый источник живучести, а потому и правоты этого самого «раба». Точнее, того характера, что стоит за схемой.

Ш. Корвес, проводя своего героя через жалко напыщенное самодовольство и униженное пресмыкательство, через уверенность в своей маленькой правде и глубокое отчаяние, через тупое равнодушие и редкие моменты своеобразного интеллектуального прозрения, убедит нас, что этот человек может и зачеркнуть разом все свое прошлое. Начать все сначала, с нуля. Не из принципа, а просто потому, что не вынесет такой дальнейшей жизни. Персонаж Корвеса рвет накопленные рабским трудом и нелепыми уловками деньги спокойно, по-деловому, ничего не демонстрируя. А потом, после попытки самоубийства, усталыми шагами отправится к своей койке, и через несколько минут его ровный храп сольется с нервными всхлипываниями Интеллигента, оплакивающего их общую нелепую и несуразную судьбу.

В центре Европы, во вполне благополучном Штуттгарте, венгерские режиссеры продолжают обращаться к судьбам людей, существующих как бы на периферии жизни: будь это микроскопические проблемы российских обывателей или проблемы всей «восточноевропейской провинции». И это, видимо, оказывается важным и нужным в Германии. Что же касается публики московской, то можно смело сказать, что эти спектакли в широком смысле слова «про нас» и «для нас». И обидно, что по причине почти полного отсутствия информации о гастролях штуттгартцев так мало театралов смогли увидеть их выступления. Поэтому, благодаря Центру имени М. Н. Ермоловой за встречу с театром из Штуттгарта, прошу организаторов: сообщайте, пожалуйста, о своих планах, не скрывайте их от нас.

Наталья ЯКУБОВА.

● Сцены из спектаклей. «Медведь»: Попова — Э. Кербер, Смирнов — Ш. Корвес. «Эмигранты»: Интеллигент — Б. Зидхофф, Рабочий — Ш. Корвес. Фото Сабины Хоймани.